

OSIP MANDEL'STAM

44

traduzione di Remo Facca

В Петрополе прозрачном мы умрем,
Где властвует над нами Прозерпина.
Мы в каждом вздохе смертный воздух пьем,
И каждый час нам смертная година.
Богиня моря, грозная Афина,
Сними могучий каменный шлем.
В Петрополе прозрачном мы умрем, —
Здесь царствуешь не ты, а Прозерпина.

Май 1916.

CINQUANTA POESIE

45

Nella diafana Petropoli morremo,
dove su noi Proserpina ha dominio.
Beviamo aria di morte a ogni respiro,
ed ogni ora è per noi l'ora suprema.
O Atena minacciosa, dea del mare,
togli l'elmo di pietra, il possente elmo.
Nella diafana Petropoli morremo, —
qui non sei tu, è Proserpina a regnare.

Maggio 1916.

12. ЛЕНИНГРАД

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желёз.

Ты вернулся сюда — так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей!

5 Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток.

Петербург! я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.

10 Петербург! у меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,

И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

12. LENINGRADO

Sono tornato nella mia città, fino alle lacrime a me nota,
fino alle vene, alle gonfie ghiandole infantili.

Sei tornato: trangugia senza storie
l'olio di pesce dei lampioni lungo il fiume,

5 saluta in fretta il minimo giorno di dicembre
che alla lugubre pece intride giallo d'uovo.

Pietroburgo, non voglio ancora morire.
I miei numeri di telefono sono rimasti a te.

10 Pietroburgo, ho ancora gli indirizzi:
li troverò le voci dei morti

Vivo su nere scale, nella tempia
mi batte uno squillo strappato con la carne:

e per tutta la notte attendo ospiti cari
agitando come catene i ferri della porta.

1930

S.V.

Traduzione di
Serena Vitale

OSIP MANDEL'STAM

68

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
И слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются глазища
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет.
Как подкову, дарит за указом указ —
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него — то малина
И широкая грудь осетина.

Ноябрь 1933.

CINQUANTA POESIE

69

Viviamo senza piú fiutare sotto di noi il paese,
a dieci passi le nostre voci sono già bell'e sparse,
e dovunque ci sia spazio per una conversazioncina
eccoli ad evocarti il montanaro del Cremlino.
Le sue tozze dita come vermi sono grasse
e sono esatte le sue parole come i pesi d'un ginnasta.
Se la ridono i suoi occhiacci da blatta
e i suoi gambali scoccano neri lampi.

Ha intorno una marmaglia di gerarchi dal collo sottile:
i servigi di mezzi uomini lo mandano in visibilio.
Chi zirla, chi miagola, chi fa il piagnucolone;
lui, lui solo mazzapicchia e rifila spintoni.
Come ferri di cavallo, decreti su decreti egli appioppa:
all'inguine, in fronte, a un sopracciglio, in un occhio.
Ogni esecuzione, con lui, è una lieta
cuccagna ed un ampio torace di osseta.

Novembre 1933.